

ЗАМЯТИНСКИЙ ТЕКСТ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Е. В. Алтабаева,

Мичуринский государственный педагогический институт

В 2011 г. исполняется 25 лет со времени «возвращения» великого русского писателя Е. И. Замятина на родину. Именно с 1986 г., впервые после многодесятилетнего перерыва, возобновилась публикация его произведений в России. Возросший исследовательский интерес к личности и творчеству писателя обусловил появление целого научного направления, развивающегося в контексте изучения историко-культурного развития России, путей сохранения и осмысления культурного наследия русского зарубежья, духовных и эстетических ценностей отечественной и мировой литературы, фольклора. На таком анализе «возвращенной» литературы русского зарубежья и, прежде всего, творческого наследия Е. И. Замятина базируется исследовательская деятельность тамбовской замятиноведческой научной школы.

Лингвистическая лаборатория, с 2006 г. учрежденная в Мичуринском государственном педагогическом институте как филиал Международного Замятинского центра Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, является одним из первых научных центров, занимающихся проблемами замятинского текста с позиций лингвокультурной парадигмы. Феномен Замятина, несмотря на многочисленные исследования, – еще далеко не прочитанная книга. Если отечественное и зарубежное литературоведение уже накопило достаточный опыт исследования этого уникального явления, то язык произведений Замятина пока остается почти неизученным: он ждет своего исследователя, поскольку может стать ключом к разгадке глубинного смысла творений автора. Замятинский стиль, в котором блестяще реализовано изобразительное мастерство писателя, – принципиально актуальный объект научных изысканий. Тем не менее, работ такого плана весьма немного, тем более – системных исследований [см.: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Именно *замятинский текст* как самодостаточный феномен русской национальной и – шире – славянской культуры, как крупное явление русского языкового сознания, как национальное достояние России, мы ставим во главу угла всей нашей деятельности. Задачи лаборатории заключаются в системном исследовании замятинского текста как

особого национально-культурного явления, с одной стороны, и уникального языкового феномена, с другой.

На понятии *замятинский текст* следует остановиться особо. В филологии широко известны такие понятия, как *петербургский текст*, *пушкинский текст*, *гоголевский текст*. Думается, что есть все основания утверждать явление *замятинского текста* как самостоятельного объекта научных изысканий. Замятинский текст, наряду с текстом пушкинским, гоголевским, чеховским, занимает свое особое место в летописи великой русской культуры, однако остается гораздо менее изученным в языковом отношении. Особый облик замятинского текста проявляется в содержательной стороне его свойств как лингвокультурного, художественного и языкового феномена и не столько отражает поэтическую установку автора, сколько является прямым следствием его мироощущения, миропонимания, «мирочувствия».

Лингвокультурные, художественные и языковые свойства замятинского текста формируют его полотно и обеспечивают то самое впечатление, которое уловил и выразил Конст. Федин, подметив, что «Замятин не хитро угадать по любой фразе. Он вытаскивал вещи как из кости...» [9, с. 78]. При этом текст Замятин – не искусно сконструированное образование прекрасного мастера. Это язык и образ, это звук полной мощности и изображение максимальной яркости. Это совершенно особое четырехмерное пространство, это огромный мир, вмещающий в себя и «одну какую-то точку в уголку ее губ» – точку «сгущенного солнца», и целую вселенную с лунами, звездами, «миллионоверстными воздушными льдами» ... Вот как об этом писал сам Замятин: «Как будто реально и бесспорно: ваша рука. Вы видите гладкую, розовую кожу, покрытую легчайшим пушком. Так просто и бесспорно. И вот – кусочек этой кожи, освященный жестокой иронией микроскопа: канавы, ямы, межи; толстые стебли неведомых растений – некогда волосы; огромная серая глыба земли – или метеорит, свалившийся с бесконечно далекого неба – потолка, – то, что недавно еще было пылинкой; целый фантастический мир – быть может, равнина где-нибудь на Марсе ... Синтез подошел к миру со сложным набором стекол – ему открываются гротескные, странные множества миров; открывается, что человек – это вселенная, где солнце – атом, планеты – молекулы, и рука – конечно, сияющее, необъятное созвездие Руки, открывается, что Земля – лейкоцит, Орион – только уродливая родинка на губе [...] открывается ничтожнейшее, грандиознейшее величие человека, открывается – относительность всего» [8, с. 167 – 168] .

Мы полагаем, что определяющими чертами пространства замятинского текста являются следующие его признаки, последовательно реализуемые автором в каждом произведении (романы «Мы», «Бич божий», повести «Уездное», «Алатырь», «На куличках», «Островитяне», «Ловец человеков», «Наводнение», рассказы «Пещера», «Африка», «Ела», «Север», «Три дня» и др.). Это особая концептосфера, национально специфицированная в ткани текста; особое взаимодействие и взаимопроникновение макрокосма и микрокосма; полифоничность (многоголосие), присущая сказовой манере повествования, когда автор, рассказчик, герой «речедействуют» в тексте на равных; особый хронотоп замятинского текста, позволяющий говорить об авторском пространственно-временном континууме; особый, былинно-бытовой (или бытово-былинный?) тип замятинского героя; особая воздейственность текстов Замятина, обусловленная синтезом информативных и прагматических факторов; язык и стиль, позволяющие так организовать кодирование информации, что уже сами способы этого кодирования являют собой эффект сильнеешего художественного впечатления. В этой системе дифференциальных признаков замятинского текста мы выделяем два доминирующих, из которых вытекают и на основе которых формируются все остальные: это концептосфера и язык.

Объем работы не позволяет подробно охарактеризовать выделенные нами признаки, поэтому мы позволили себе только представить их [см. подробнее: 2; 3]. Очевидно, что художественная система Е. И. Замятина в плане репрезентации русской ментальности и русской культуры представляет большой научный интерес. Исследования, проводимые лингвистической замятинской лабораторией, позволяют системно представить основные параметры концептосферы произведений писателя. В заключение отметим, что процесс изучения различных способов вербализации и организации в концептуальном пространстве замятинского текста диагностически важных для него национально-культурных концептов (*время, пространство, человек, природа, душа, ощущение, состояние, речь, желание, любовь* и др.) предполагает свое осуществление, во-первых, на междисциплинарном уровне с использованием всех современных данных о человеке и языке, полученных в различных областях знания, то есть на основе многоаспектного подхода, во-вторых, с учетом основных характеристик самого объекта исследования, среди которых выделяется, прежде всего, его антропоцентрическая направленность и национально-культурная специфичность, многоплановость семантики замятинского текста и его структурно-функциональная целостность. Разыскания в этом

направлении определяют перспективу осмысления замятинского текста русистикой 21-го века.

1. Алтабаева, Е. В. Высказывания с семантикой волеизъявления как средство речевого воздействия в произведениях Е. Замятина // *Творческое наследие Е. Замятина: Взгляд из сегодня*. Кн. VI. – Тамбов, 1997. – С. 52 – 55.
2. Алтабаева, Е. В. Замятинский текст как объект лингвокультурологии // *Филологическая регионалистика*. – Тамбов, 2010. – № 1 – 2. – С. 74 – 78.
3. Алтабаева, Е. В. Замятинский текст: язык и концептосфера (к методологии исследования) // *Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Международного конгресса литературоведов: К 125-летию Е. И. Замятина*, 5 – 8 октября 2009 г. / отв. ред. Л. В. Полякова. – Тамбов, 2009. – С. 505 – 509.
4. Алтабаева, Е. В. Концепт желание в художественной прозе Е. Замятина // *Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: В XIII кн. Кн. XIII / под ред. проф. Н. Н. Комлик*. – Тамбов–Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2004. – С. 217 – 223.
5. Алтабаева, Е. В. О механизме художественного воздействия прозы Е. И. Замятина // *Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня*. – Кн. VII. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина. – 2000. – С. 91 – 102.
6. Алтабаева, Е. В. Текстовые особенности категории волеизъявления (на материале произведений Е. Замятина) // *Язык и культура: 4-я международная конференция. Материалы*. – Киев, 1996. – Ч. 3. – С. 168 – 170.
7. Алтабаева, Е. В., Рыжков И. А. Текстовые возможности глаголов ощущения в романе Е. Замятина “Мы” // *Творческое наследие Е. Замятина: Взгляд из сегодня*. Кн. V. – Тамбов, 1997. – С. 59 – 68.
8. Замятин, Е. И. О синтетизме // *Замятин Е. И. Собрание сочинений : В 5 т. Т. 3. Лица*. – М., Русская книга, 2004. – С. 164 – 172.
9. Федин, К. Горький среди нас. Картины литературной жизни / К. Федин. – М., 1967.